

Vadim Bakatin, interview with Philip Boobbyer, Moscow, 23 March 2003, transcript in Russian

Ф.: Почему Вы переселились в Москву? Это просто как бы общий вопрос?

Б.: Почему я переселился? Потому что я был партийным функционером. Я был членом Бюро Обкома Кемеровского с 73-го года, секретарем Обкома с 73-года. Нет несколько позже, в 73-м я был в Горкоме, 1973-74-й. Да с 75-го года уже, так сказать, высшая областная иерархия. Вот, и потом примерно я там десять лет на этой партийной работе, так сказать, трудился. Моя функция была, или сектор моей работы был связан с капитальным строительством, я занимался капитальным строительством. Потом пришел Андропов в 83-м году. И в 83-м году Андропов в кадры в Орг. Отдела ЦК взял Лигачева Егора, Кузмича, или Юрия Кузмича, как мы гопорили. Он меня знал, потому что Томск, Кузбас, как-то немножко, не то чтобы знал хорошо, может быть раза два мы встречались, небольшие. Короче, он стал подбирать кадры молодые для омоложения старых секретарей по стране. И вот создал, вернее реанимировал Институт инспекторов ЦК, которые были еще при Сталине - при Сталине были инспектора ЦК, которые инспекцией занимались, потом это постепенно умерло и эти ставки инспекторов остались пустые, незанятые. И он группу этих инспекторов стал набирать. Причем он сразу говорил, «вы едите в Москву для того, чтобы набраться опыта, поехать по стране, поизучать как осуществляется партийное руководство - как тогда говорили отраслями - а потом вас в любую, как говорить, тьму тараканью вас могут послать». Ну, конечно, все тогда были согласны, что да, потому что раз партия сказала, а мы же солдаты партии считались со всем. Поэтому в 83-м году я поехал этим инспектором в Москву. Я сейчас уже не помню, было очень много командировок и в Узбекистан и на Украину, и в Молдавию, и по России я ездил, и примерно полтора года я там был - до 85-го года.

А в 85-м пришел как раз Горбачев в марте месяце и я еще даже этим немножко не то, что горжусь, но \то просто факт, что первый человек, которого Горбачев послал из Москвы куда-то на - он очень многих поменял потом, но я был первый, кого он пригласил вместе с Легачевым, ну в начале Легачев, а потом Горбачев, и они мне сказали, что вот, Кировская область очень большая - Вятская губерния, бывшая - Очень отставшая, очень тяжелая, ты молодой, ты энергичный, мы тебе верим - давай же туда Первым секретарем Обкома. Я поехал без всяких колебаний и даже с большим скажу удовольствием - мне приятно вспомнить, отработал два года в этой Кировской области. Это было интересно, это как раз начало перестройки, тогда был такой подъем коллосальный. Кировчане были как-то задвинуты в уголи на них не обращали внимания, а тут мы вдруг так здорово прорвались и просто... У Вас моей книжки нет?

Ф.: Я читал.

Б.: А Вы читали книжку, тогда все эти цифры там есть, можно значит не говорить, да? А потом тоже опять полнейшая случайность, на моей родине в Кузбасе, где я

родился и всю жизнь прожил, это Кемеровская область, я 45 лет там прожил, умер Первый секретарь Обкома Ермаков Николай Спиридонович, скоропостижно, неожиданно – два-три месяца раз и умер. И тогда уже началась так называемая демократия, т.е. уже не просто вот Москва – как вот в Киров, взяли и отправили меня и кировчан и не спрашивали, просто вот такой порядок был, Политбюро решило, вот решение Политбюро – меня представляют все «за», мне даже смешно было. А тут началась уже – это был 87-й год и уже, так сказать, начались альтернативные выборы, что не один, а несколько, голосование, и стали проводить опрос среди верхушки Кемеровской и они называли среди многих больше всего меня. И тогда меня пригласили и сказали, что вот хотят вернуться – а область Кемеровская гораздо более важная, чем Кировская, там очень много экономических проблем и т.д., не будем на эту тему говорить. И так я попал в Кемеровскую область и там я отработал меньше двух лет – года полтора. А уже в 87-м году в октябре Горбачев мне звонит и просто мне говорит: «Мы хотели тебе предложить вот Министром Внутренних Дел. Приезжай в Москву, обсудим на Политбюро». Я приехал в Москву и все, как говорится, там обсудили и я стал Министром Внутренних Дел.

Ф.: Очень интересная работа, кстати

Б.: Да, мне тоже очень нравилось, это интересно было, совершенно ново для меня. Хотя оно не совсем ново, потому что когда ты на этой партийной работе, тебя все касается, я все равно встречался с милиционерами и бывал у них на собраниях и ругал их или помогал им чем-то. Т.е. преступность она везде преступность и ей приходилось заниматься и в Кемерово и в Кирове – везде. Но здесь тоже я бы не сказал, что профессионально занимался, там были свои профессионалы, генералы, начальники управлений, а я был администратор высокого уровня, который считал зарплату милиционерам, технику, рации, машины. Вот такая вот история.

Ф.: И как Вы относились к программе перестройке, потому что Вы вернулись в Москву и это был важный момент в 88-году все начиналось меняться быстро. Как Вы относились ко всем этим изменениям? Это было удивительно для Вас, Вы ожидали все это?

Б.: Нет, мне не было удивительно, я просто все это приветствовал, мне это нравилось. Я понимал, что это нужно. Но я как-то быстро понял, что Горбачев прав, что надо менять, что дальше так жить нельзя, что нужно демократизировать, что нужна действительно гласность. Я был его соратником. Я был его во многом, т.е. не во всем я с ним соглашался, а в чем-то я даже шел дальше его, например, у нас были споры на счет частной собственности, я пытался просто для себя выстроить демократию политическую с демократией экономической, демократию экономическую без частной собственности я уже как-то плохо себе видел, а тогда это расхождение с Марксом, а Маркс говорил, что коммунизм есть уничтожение частной собственности, значит мы должны ревизировать Маркса – вот такие вот, чисто на мелком уровне теоретические рассуждения, неглубокие, конечно, но тем не менее, какую-то логику я для себя выстраивал в этом отношении. И вопросы

Союза – централизация – децентрализация, если Союзная Республика первична, то Союз должен быть вторичен, он должен быть создан республиками, удобен республикам – это оборона, внешняя политика, а все остальное должно оставаться республикой, в том числе и ее МВД. Я вот сейчас недавно как раз разбирал свои бумаги и нашел это вот, то, что все хотят сделать, чтобы полиция была муниципальной, а расследование было федеральным, чтобы оно не подчинялось, как, допустим, ФБР в США. Эти предложения еще мной были даны, я понимал, что это нужно было делать.

Ф.: Вы уже как бы явно сомневались в Советской идеологии или это было просто очевидно в тот момент?

Б.: Просто, понимаете, в той Советской, которая у нас была, во многом лживой – «народ и партия – едины», «Ум – совесть и честь нашей эпохи» – ну, это примитивные такие вещи, но я все-таки считал, что... За смещенную экономику, я считал, что государство не должно уйти из экономики. Я считал, что приватизация – я тогда рассуждал вот с этим Опалкин Леонид Иванович, мы с ним были тогда знакомы и я его концепцию принял, что лет 20, он говорил, нужно, чтобы приватизировать вот это все, что начинать надо с мелкой – с частников, с фермеров, ни в коем случае не национализировать железные дороги – это потом. Вот я это тоже понимал. Понимаете, я не хочу себя выпячивать, но я был не просто «милиционером», я был у Горбачева немножко больше, чем «милиционер». Я вошел в его Президентский Совет, мы там обсуждали вещи не только вещи, связанные с преступностью, а вот такие вопросы. Поэтому у меня какое-то видение было, но оно не исключало социализма как каково-то нового, а социализма уже обновленного, но не такого, где частная собственность запрещена, где политические партии запрещены, где только одна партия, я за многопартийность выступал. Если Вы помните, но это не удобно выпячивать, но я первый выступил, будучи Министром Внутренних Дел, выступил за отмену 6-й статьи. Но я выступил за отмену 6-й статьи, потому что ее потом все равно отменят, давайте же, раз мы правящая партия, мы за все отвечаем, то мы должны допустить их и сами выйти на эту отмену, сами, как правящая партия, не ждать, когда нам ее с улицы поменяют.

Ф.: Горбачев очень колебался по этому поводу?

Б.: Тогда он этого не понимал, а через три месяца он сам все сделал. А тогда на меня все за шикали, затопали, у меня даже стенограмма есть. Когда я это предложил был шум в зале и Горбачев говорит: «Не надо, не надо, пусть говорит». «Я же свое... - да, он же свое мнение высказывает, пусть говорит». Даже вот в этой стенограмме есть такая шутовщина по этой 6-й статье, например. Ну я уже не знаю, куда мы тут уплываем с Вами в наших рассуждениях, но я сейчас не могу все это в кучу вот так собрать. Я просто хотел сказать, у меня были взгляды несколько шире, чем просто взгляды связанные с борьбой с преступностью.

Ф.: Это я просто интересуюсь как Вы пришли к жэтому?

Б.: Как я пришел? Ну, наверное есть голова, думает наверное.

Ф.: Да, но в течение многих лет Вы вначале думали, что все это нужно как-то поменять или как вот это? Просто интересно, как человек из Вашего слоя – это было довольно редко, что люди как бы пришли к этому?

Б.: Нет, ну, что Вы думаете, что в КГБ все чикисты ходили? – Тоже нет, там есть думающие люди.

Ф.: Безусловно.

Б.: Или полит работники все марксисты такие, на все пуговицы застегнутые? Я вот помню, кстати, мою такую вольность, да. Партийная конференция в городе Кемерово идет. Первый секретарь был Чурпито?, я был Второй секретарь. Я вот так сижу на партийной конференции и вдруг Чуркито дает мне записочку из зала пришла она: «Вениамин Михайлович, скажите Бакатину пусть застигнет пиджак. Здесь не бордель, а партийная конференция». Я не стал застегивать. Он мне дал, он ничего мне не сказал, он просто дал мне записочку, улыбнулся только.

Ф.: Интересно

Б.: Не все же люди были недумаящие, понимаете? Я учился в Академии ЦК КПСС заочно 2 года, мне было интересно, приезжали эстонцы, литовцы, очень думающие. Вот у нас был Ац Юрьевич, забыл как его звали, он был Министром Торговли Эстонии. Настолько мне было интересно рассуждать о том, что мы догматически очень зажаты, что надо быть свободнее. И разговоры были и они были нормальными, хотя я был партийным деятелем.

Ф.: Это значит корни этих моментов были...

Б.: Корни в здравом смысле, понимаете? Опять, Вы знаете. Я это вспоминаю, потому что это было на самом деле. Я какое-то время жил при Сталине, в 53-м году мне было 16 лет, уже 16 лет было когда он умер. После того, когда он умер, я считал, что мы многое потеряли, что как мы жить будем, искренне сочинения писал на эту тему о Сталине – во все это я верил. Но я помню, что еще несколько раньше, еще когда он был жив, у нас выходила, мы получали газету «Правда», и почти на каждой первой странице – «Дорогому Иосифу Виссарионовичу рапортуют, там, моряки, доярки, шахтеры, докладываем Вам, дорогой и любимый Иосиф Виссарионович, что мы перевыполнили, что-то там сделали» и я помню, что я относился к этому с неким скепсисом, когда был еще подростком и так читал просто бабушке с передразниванием. «Тише ты, что ты говоришь? Перестань!», она говорила мне. А я говорил: «Ну, а чего все «дорогой, дорогой»?» Ну это такой юношеский скепсис.

Ф.: Юношеский здравый смысл?

Б.: Да, ну, не знаю, просто каждый день одно и тоже – «дорогой, дорогой», то это начинает раздражать. Хотя я не скажу, что я был антисталинистом. И поэтому когда ты уже в более взрослом возрасте все время «верной дорогой идете, товарищи», это уже не воспринимается как, а уже обратная реакция. И, в конце концов, еще что ака это появляется? Ну вот «Один день Ивана Денисовича» была такая маленькая книжечка, вышла еще при Хрущеве и с огромным интересом ее прочитали. Я помню у нас затаскали ее.

Ф.: Вы читали ее?

Б.: Конечно я читал, она не была запрещенной, ничего там.

Ф.: Создало впечатление?

Б.: Конечно. Ведь мы же жили не в каком-то хрустальном замке, мы же жили среди всею Пускай я жил более благополучно, у меня отец был инженером, мать – врач. Мы не бедствовали, у нас был достаток в семье, но кругом я же видел, что люди ходят и в лахмотьях, и, как сказать... Бабушка привозила учеников кормила, она была учительницей какой-то обыкновенной. Поэтому это же все виделось как-то. И поэтому вот уже несколько позже, конечно, что тоже подтолкнуло – я тоже об этом в книжке пишу – когда я уже стал Секретарем Обкома, членом Бюро Обкома в Кемерово, то тогда стали... А тогда из ЧК рассылались книжки с номерами, у меня дома сейчас несколько штук есть. Они как бы не знаю я где они издавались, никаких рисунков, ни картинок, ничего, просто белый лист, черным написано как называется, «Карелия», допустим, но все эти итальянские евро-коммунисты, т.е. приходили эти книжки. О Сталине, кстати были. Или там книжки о размышлении о экономике России. И эти книжки читаешь и читаешь и начинаешь слушать - правильно они, что же это такое, а у нас официальная пропаганда – совсем не то. Это тебе давалось как бы для расширения кругозора, вот оно тебе и расширяло в какой-то мере. Это такой постепенный переход, но нет каких-тотаких вдруг Горбачев пришел и все вдруг «ах!» сразу. Да ведь и Горбачев-то пришел улучшаться самим. Он же пришел: «Вы еще и не жили при социализме» – это же его фраза, «с человеческим лицом», это все так.

Ф.: Смотря назад на детство, какое, скажем, нравственное мировоззрение Вы приобрели от родителей, от партии? Вы можете...?

Б.: От партии я никакого мировоззрения не приобрел, я совершенно. От родителей, меня бабушка воспитывала. Бабушка моя, она была еще учительницей до революции, старая учительница. Она закончила гимназию и поехала учительствовать в Сибирь в село ?Тисун? и потом она долго учительствовала в Анжирке, в Томске она много учительствовала, и когда уже я-то ее помню, когда мне было 8-10 лет, она была старой учительницей. Как она меня воспитывала? Воспитывала правильно с точки зрения «не обманывай, трудись». Вот больше всего, я жто даже по отношению с сестрами - у меня две сестры, помладше меня

там, и она все время им говорила: «Вот, смотрите на Вадика, у него всегда есть дело. Он всегда что-то делает. Вы же бездельничаете, надо дело. Вот возьмите вышивайте что-нибудь, или шейте что-нибудь». А я все либо я рисовал, либо я там какие-то планеры строил, самолеты, я увлекался ими очень, либо я на лыжах ходил, катался, либо в футбол играл. Короче, у меня все время какие-то... У меня все время времени не хватало, все время делал что-то. И между прочим это приучилось.

Я честно скажу, у нас, например, есть дача сейчас, мы с женой ездим на эту дачу. Она говорит: «Я не хочу ездить с тобой на эту дачу, потому что ты не можешь отдыхать». Потому что, когда я приезжаю на дачу, мне обязательно надо что-то делать – либо дрова колоть, либо яблони отпиливать, туюю я нахожу в этом удовольствие, мне это не втягость. Мне это нравится. А когда жена придет с моей сестрой сядут на диван на даче, телевизор включают и смотрят все этот телевизор. Я говорю, что, выкинуть телевизор, в конце концов? Поэтому воспитывала меня бабушка правильно: трудиться, не обманывать, руки мыть. Это, кстати, привычка, вот если я зашел в дом с улицы, это выше моих сил – я обязательно вымою руки, просто это уже инстинкт – это все бабушка.

Ф.: Это можно сказать, что это в одном смысле, старорусская культура?

Б.: Конечно. Бабушка родилась еще в 92-м году, она учительствовала еще при царе, еще начала учительствовать с 1910 года, т.е. семь лет она до революции еще учительствовала. Отец и мать в меньшей степени меня воспитывали, потому что они очень заняты все время были. Мать была хирургом в больнице, она только по воскресеньям появлялась, делала нагоняй девчонкам, что две девки, почему там раковина не вымота, или еще что-то там. Она их тоже очень ругала. А отец, он был шахтер – это непрерывно в работе, непрерывно. В то время это особенно, в в военное, послевоенное, у них, конечно, круглосуточно шахты работали. Он был инженером, потом был главным инженером треста, он постоянно был в работе. Он меньше меня воспитывал. Он меня иногда... Лыжи мне привез, я помню, на лыжах научил меня кататься.

Ф.: И Вы вступили в партию после института?

Б.: Нет, после, но не сразу. С точки зрения карьеры, это партийная карьера, она очень связана с комсомолом, очень связана. И вот такие более активные комсомольцы они сразу в партию. Мне повезло, я считаю, потому что я не был комсомольцем, т.е. я был формально комсомольцем, но я не был активным комсомольцем, комсомольцем-функционером. Единственное что я делал в комсомоле, причем даже там были некоторые анекдоты, я хорошо рисовал и я оформлял стен-газеты. И даже помню одно комсомольское собрание, я уже наверное был в девятом, в десятом классе, а на комсомольском собрании, там как всегда надо избирать бюро комсомола, редакцию стен-газеты надо избрать, и там привносят в редакцию стен-газеты человек 10, не помню, но много, список в редакцию. И я помню встал и сказал: «Зачем столько? Трех человек: меня – я

рисую, Юру Черняева, он поэт был, стихи сочинял, Пашу Калашникова, который в хорошую группу хочет. Вот трех человек, больше не надо, все, вся стен-газета». В школе я занимался стен-газетой, в институте я ничем не занимался, потому что я начал оформлять стен-газету на первом курсе Гидротеха и меня Декан Ромашин, помню, я тогда приехал в Новосибирск – в Киселевске я жил – провинциальный маленький городок и приехал в Новосибирск – это столица Сибири, там троллейбусы, неоны, реклама, все-Отаки ничтожно по сравнению с тем, что это сейчас, но тем не менее это больше, и плюс некоторое распространение поп-культуры уже иной, вот этот абстракционизм. И я в абстрактном духе таком, в кубическом, оформил первый номер газеты и декан меня вызвал и сказал: «Нам такие газеты не нужны». Ну ненужны и не нужны, и все, и поэтому моя деятельность вообще закончилась.

Я не был в комсомоле совершенно и потом я, слава Богу, 13 лет отработал чисто на стройке без всяких, как говорится, дел, кроме как в профсоюзе. А уже когда меня назначили главным инженером вот этого строительного управления в Кемерово, вот тогда возникло – «почему Вы не член партии?» Ну я говорю: «Я еще не вступил». Мне было тогда 26 лет, но я еще не вступил. А потом на следующий год, в 27 лет, я вступил в партию. Просто потому что, но, во-первых, в то время партия единственная действительно она всем руководила и если ты не член партии, а в руководящих, как говорится, то тебя вроде как бы... ну, ты не можешь. Бюро идет, заседает, рассматривает вопросы – ты тут как бы не причем.

Ф.: Для Вас не было вообще проблемы вступить в партию?

Б.: Честно говоря, я скажу, что я вступил в партию с удовольствием, я даже с некоторой гордостью вступил. Я помню это ощущение свое, что после того, как меня приняли, я был ну какой-то такой гордый.

Ф.: Но интересно, как Вы уже тогда зная, про Сталинскую эпоху...

Б.: Да, я уже про деда знал, что его расстреляли. Это был 63-й год, а мы узнали, помоему, уже в 61-м-62-м году.

Ф.: Но, наверное, Вы не считали, что вот это было партийное дело, что это все получилось?

Б.: Нет, я знал, знал, что это было партийное дело. Почему не знал? Что это были репрессии, уже был этот Хрущевский доклад, уже это все прошло. Я уже слышал об этом и знал, но я это не накладывал это на... наша работа была совершенно другая – строить химию, строить. Наша задача – химизация всей страны. А это было тогда, в истории, ну да, плохо, репрессии, дедушку расстреляли, но у меня не было какой-то там злости, что ах, вот гады. Я на нашего Секретаря Райкома, Лебедева Александра Михайловича, я на него это не переносил. Он был тоже из нас же, из строителей вышел. Почему он был виноват за дедушку? Да нет, конечно. Никакой связи не было, совершенно.

Ф.: Но вот, например, во время перестройки, когда многое проявилось про Сталина, всякие книги появились, прогаамы по телевизору, было ли что-то новое для Вас? Это было откровение в одном смысле?

Б.: Ну не совсем откровение, понимаете. Ну, это просто вот интересные детали. Новое конечно было. Я с удовольствием... У меня огромная библиотека всей этой перестроичной разоблачительной литературы, будем так это называть. Тогда зачитывались. Вначале не столько история, не Сталин, а появились Зелюнин, Шмелев, появились об экономике интересные статьи. Вот эти статьи я помню, что их до дыр зачитывали тогда. «Черные дыры экономики» - что-то там в таком духе. Вот это было очень интересно, это было как придтече перестройки. Это было на грани 84-го года, можнт быть уже 85-86-й. А вот эти все вещи, связанные там или Бухарин, или Троцкий, или Сталин, или Ленина лениниада, которой черт знает сколько было, и Колчак, там вот эти все книжки. У меня сейчас это все дома на полке стоит и я это все тогда перечитал. Я вот сейчас к 50-летию Сталина взял такую книжечку из двух авторов: один Троцкий, а другой английский автор – фамилия выскочила из головы. Сделано в противопоставлении друг другу.

Ф.: Это старая?

Б.: Ну, как старая? Недавно издана. У него идеология такая, что да, Сталин тиран, да он многих людей убил, но он был вынужден это делать. У него была миссия, иначе бы страна распалась. Он не хотел бы этого делать, но он это делал. Он был, чуть ли не религиозный человек внутренней т.д., что он аскет, он честный и вообще он, содрагаясь, вынужден был все это делать. – Вот такая, довольно-таки противная концепция. У Троцкого она немножко связана... он все доказывал, что он никогда не был лидером. Какое он там руководил Закавказьем! Да он даже на Лондонской конференции... его даже куда-то не избрали, где-то он даже не выступал - т.е. он доказывал, что он был ничто при Ленине. Он был серой мышкой, которая вообще никогда, нигде и ничего. Это вот две вещи, которые я помню почитал о Сталине, тут как раз о Сталине стали говорить, 50 лет, я случайно с полки достал посмотреть.

Ф.: Как эволюция Ваших взглядов как бы в конце перестройки – это были трудные дни для партии, для Горбачева в 90-м году – в 91-м. Как Вы реагировали на эти моменты? Потому что, наверное, выборы нужны, потому что мы может быть выбрали более либеральную линию или более консервативную... Все как бы распадалось. Как Вы относитесь?

Б.: Я, например, считаю, что одна из причин, или главная, пожалуй, причина, что вот все развалилось, да, это то, что развалилось управление страны. Страна управлялась партией, это было партийное государство, однопартийное. Все это, приняв Советы, и т.д. – это все ширма. Кого избирать в Советы на Бюро решали – этого избрать, этого не избрать, эту доярку избрать, этого ученого избрать для счета там, в комсомольцы одного там надо – ну, все, это все делалось партией.

Партия была одна единственная, которая управляла всем. Ставить министров, не ставить министров; любые решения Совета министров, прежде чем Совет министров принимал, шли на Политбюро, одобрялись и потом уже Совет министров рассматривал. Любое решение Совета министров – ну, Вам это не надо рассказывать – это была одна партия, да. Она управляла всем этим делом. И она управляла в период до планового хозяйства, когда это было все достаточно просто и примитивно: «догнать и перегнать - вот на один процент больше, на один процент меньше», т.е. это все было так формально, ничего этого не получалось, много было очковтирательства, но все равно это управлялось. А теперь, вдруг решили заняться реформой экономики, реформой полит. системы, реформой в психологии, извините, если это можно назвать реформой. И в этот период, когда власть – это же власть создала социализм, этот же социализм создан волей партии и волей народа, все эти наукограды, все эти Красноярски-45, все эти военные заводы, которые эти танки делали – это все сделали под государство и невозможно, чтобы это все само вдруг превратилось в экономику иной структуры, иных форм собственности - это все тоже должно быть по чьей-то воли сделано, что этот завод нужно полностью от танков освободить, а заняться только стиральными машинами или чем-то там другим. И при этом должно быть довольно сильное государство, чтобы это все делать и какие-то ресурсы, и как по плану создавали эту экономику, так же по плану ее нужно было демонтировать. А у нас получилось, что вот этот орган, который всем эжтим занимался, партия была одним моментом вот этим плюрализмом, вот этой гласностью, ахаина, оплевана, дискредитирована, и вообще она раскололась на непонятно что, она внутри себя не догоаориалась. А Горбачев за нее держался. Вот тот же Яковлев Александр Николаевич – я был свидетелем того разговора, потому что с Яковлевым довольно часто общались, когда речь шла о социал-демократической партии – давайте расколим партию. Пусть будет прогрессивное крыло социал-демократов западно-европейского толка и будет ортодоксальная коммунистическая... Вот была идея, что нужно было.. Горбачев этому сопротивлялся и в итоге довел это до края, когда все это рухнуло, когда уже вообще ничего нельзя было сделать. ПУТЧ, там, другое и вообще партию запретили и настало это безвластие и уже это был полный хаос, понимаете?

Ф.: Тогда это был единственный вариант для партии – сделать такой раскол.

Б.: Это только так нужно было сделать и новую программу, сказать, да нужно фермерство, как были нужны колхозы, было там головокружение от успехов у колхозов, должно было стать головокружением и от успехов у фермеров, грубо говоря создавать – деколзолизация, так сказать. Вот, это все упущено. Инструмент потерян был как этим всем управлять – одни слова, одна болтовня была, одна широкая съездовская демократия, когдасобирался этот Съезд и там ногами топали, выбирали, кто чего как это все, а управление пало. Вот это в этом и причина.

И по Союзу я все время тоже ну не знаю почему, наверное потому, что я такой тупой, но я понял, что Союзная Республика – это государство, это в Конституции было. В нашей сиалинской Конституции Союза Республик и Независимых Государств. Хорошо, если это независимые государства, значит Союз – это уже над Союзными республиками - ими созданный орган и они решают, какие функции

давать Союзу, какие функции оставлять у себя. Я помню на меня Лукьянов за это дело руками махал даже, это непонятно, какими словами, я даже сейчас и не помню, но что-то вроде – «мягкотелость, какая-то децентрализация, все развалится. Что же, наши деды зря все создавали? Куда мы все приведет?» Вот привели к тому, что вообще ничего не стало. Вместо того, чтобы это, еще было время тогда, когда на такой «мягкий» Союз даже прибалты могли бы согласиться, потому что экономика-то, как там не говорить, нас связывала в какой-то мере. А это же все полетело. Поэтому тут тоже это было потеряно. Я в этом в какой-то мере участвовал во всем этом, что-то разговоры какие-то были, но против конфедерации. Я помню тогда говорил: «Мне что федерация, что конфедерация – мне это неважно как это называется. Пусть называется федерацией, но вопрос функций – вот, Союзный договор, что в нем написано, то написано, чтобы республики с ним согласились – ну они согласились, тогда никого не будем силой затаскивать, а значит будет крепко, раз это добровольно, раз это по убеждению, значит тогда никаких солдат не надо. Ну, ладно, что теперь это все вспоминать.

Ф.: Ну вот когда, например, сам Ельцин, сам даже Яковлев, не помню когда, ну Ельцин публично ушел из партии и вот уже несколько лет спустя люди начинали уходить. Как Вы к этому относились?

Б.: Я плохо относился. Я считал... Я вот ни в какой партии сейчас не состою, ни в какой, хотя было время, когда тот же Горбачев собирал – Горбачев позже, кто же там был? – Яковлев первый, Александр Николаевич, уже после в 93-м году социал-демократическую партию. Я сказал, что я не выкину партийный билет, вот тот партийный билет, коммунистический парт. билет, я его никуда не швырнул, никуда не сдал, а он лежит у меня вместе со всеми документами. И лежит. Это была моя жизнь, история, она кончилась распадом этой партии, я из нее не выходил, но я ни в какую новую и не вступаю и не собираюсь и не буду, не то, что я не буду, а я знаю, что я в эту воду второй раз входить не буду и что мне сейчас... Если бы был моложе, я не знаю, но чего мне сейчас входить... А что выходят – это я считал не выход, вот бросить, выйти. Вот реформировать партию изнутри нужно было, это да, а вот просто ее бросить и на этой волне антикоммунизма, которая тогда... на этих митингах героем быть, а что в итоге? Антикоммунизм, между прочим, как коммунизм контра-продуктивен, но и если коммунизм контра-продуктивен, то и антикоммунизм тоже контра-продуктивен. Это вот такие две... Большевизм наоборот, вот и все. В итоге это получился большевизм наоборот.

Ф.: Вы хотели видеть эволюцию этой ситуации?

Б.: Эволюцию, да. Я был против этих прыжков. Помню, светлая память ей, как ее? Расстреляли ее в Ленинграде-то...

Ф.: Старовойтова?

Б.: Старовойтову Галину, да. Она тоже со мной спорила, я помню мы в Лондон ездили конференция там какая-то была традиционная, мы с ней выступали на этой

конференции. Она там говорила, выступала: «Господин Бакатин предлагает рубить кошке хвост частями», или собаке она говорила, т.е. эволюционер. А я ей на это дело говорю: «Знаете, что кошка без хвоста – это всего лишь кошка без хвоста и только. А нам нужна не кошка, а тигр».

Ф.: Были значит эти разговоры между вами?

Б.: Были, да. Или вот как Явлинский говорил: «Нельзя пропасть перепрыгнуть в два прыжка». «Конечно, я говорю, пропасть нельзя в два прыжка перепрыгнуть. Раз нельзя, тогда надо строить мост через пропасть, строить мост и переходить ее постепенно, потому что тыпрыгнешь и окажешься на дне пропасти и будешь чесать то место, которое...» Ну были такие споры.

Ф.: И Вы сейчас еще думаете, что это было бы правильно?

Б.: Абсолютно правильно. То, что у нас получилось, это скорополительная, неприличная приватизация. То, что мы сегодня на первом месте по приросту миллиардеров и в тоже время социальное расслоение – это самое ужасное из того, что произошло. Что вот самое ужасное? Не то, что вот там Российская Империя там скукожилась, что мы не стали Российской Державой, все это. Самое ужасное это то, что, как сейчас говорят, жто 34 миллиона или 37 миллионов человек за чертой бедности, влчат жалкое существование, а в то же время этих там 19 или 17 миллиардеров, которые качают эту нефть, на этой сверхприбыли наживаются – это самое ужасное. Такого социального расслоения по-моему нигде нету, ни В Великобритании, ни в Америке, нигде, там все-таки эта разница между самыми бедными и самыми богатыми она меньше, чем у нас – и она катастрофическая. И это очень... Целое поколение, по-крайней мере поколение, людей мы обрекли на такое недостойное человека жилье, вот что. Они поверили Ельцину, реформам, Горбачеву в начале поверили, они не хотели этого социализма, они бескровно перешли, никто за ружье не хватался по сути, да ведь? Перешли и в итоге что они получили?

Ф.: После ПУТЧа, когда Ельцин начал ыправлять вещами, Ельцин был чуть-чуть революционер, но как бы поняли Вашу работу, когда он просил, чтобы Вы возглавляли КГБ чтобы переделать, реформировать ... в этом смысле можно сказать революционная работа, ну по-крайней мере атмосфера по Ельцину, первое праительство его – это была более революционная атмосфера. Как Вы относитесь к этому и как Вы принимали свою работу в тот момент?

Б.: Знаете, что недаром ни с Бурбулисом я нисколько не работал вообще. Это Гайдар... И я просто не работал после, потому что ПУТЧ был в августе, в конце августа, начале сентября меня назначает КГБ и уже 9-го декабря это Беловежская Пуца, все. Что по-сути 2-3,5 месяца. Но я как понял свою задачу по реформированию КГБ. Во-первых, КГБ организовывало ПУТЧ, руководство КГБ – Крючков и прочии, они были, да. Значиит, КГБ нужно было реформировать – это был щит и меч партии, это была партийная спец служба, если, ну, грубо говоря, в

КГБ не брали беспартийных, не только беспартийных, в КГБ брали только самых таких надежных коммунистов. Туда не брали какие-то таких сомневающих. Они сами боролись с диссидентами, они сами должны быть честными, чистыми, как тот Феликс Эдмундович с холодными руками, там, или с чем, с горячими руками, не помню с чем он там должен быть. Понимаете, и в это время как раз шел до ПУТЧа и в момент ПУТЧа все это был Огоревский процесс – выстраивание нового Союза. Республики – они хотели разбежаться, понимаете? Горбачев хотел их стянуть в каком-то новом Союзном договоре. Он же должен был прилететь в Союз новый договор подписывать, а в это время ПУТЧ произошел. И я видел настроение республик – у них все-таки было на разбегание и они никогда бы не согласились, чтобы был центристский КГБ один над ними над всеми. Это было очевидно на 100%. Они говорили – надо делить КГБ на 16 частей или сколько там республик, вот все.

Но я понимал, что вопрос такой механический разделить – это вообще ничего не будет, поэтому я ведь спешил даже выделить... они соглашались – разведка должна быть общей, для нового Союза разведка должна быть одна. Зачем нам две? Украинская разведка, Казахская разведка – нет, одна разведка внешняя. Все согласны – разведку выделить, все, безболезненно. Примаков стал. Пограничники по границам, что нам нужно у каждой свои пограничники? Давайте будут общие границы Союза, мы их вместе охраняем, одна. Уже система есть, что же ее ломать, согласны, Пограничники ушли. Теперь связь, она одна на всю страну. Она обслуживает все республики. Отдельная связь – все прекрасно. А теперь вот контрразведка, вот теперь вот контрразведка должна быть у каждого своя – на Украине своя, в Казахстане своя. Поэтому контрразведку делим на национальные части, все, но для координации создаем межреспубликанскую службу безопасности, которая вписывается вот в эти новые структуры. Я – начальник Межреспубликанской Службы Безопасности – согласны? – Согласны. Создаем коллегия, в которую входят все начальники этих контрразведок и все. Т.е. это было разумное, нормальное, исходя из идей нового мягкого Союза создать новую спецслужбу. А с точки зрения уже задач, задачи ставит власть – какая власть, такие... Демократическая власть – одни задачи, тоталитарная – другие...

Ф.: Интересно, что Вы поняли и продолжали программу реформ. Это не был революционный акт, что Вы приняли как реальность, что республики хотели уйти, а Вы хотели управлять этим движением.

Б.: Совершенно верно, чтобы не просто разбежаться всем как есть, а просто давайте, если у республик будут новые функции, Союз будет с меньшими функциями, функция безопасности все равно пока сохранится еще не одно десятилетие там, а может и столетие – черт его знает. Нужна безопасность? – Нужна. Как ее будем строить? Она же безболезненно прошла, ведь это же все вещи, связанные там, они же были все утверждены Верховным Советом. Это же не просто – вот я решил, это же все вносилось на Госсовет Горбачеву, руководители республик голосовали, потом это шло в Верховный Совет, Верховный Совет голосовал и все это – это сейчас там говорят «вот, все развалили». Оно

развалилось, если уж так говорить, развалилось, когда началась Гайдаровская реформа, когда подняли цены, когда разрешено стало торговать, когда было разрешено создавать частные предприятия, охраны частные. Тогда все мало-мальски уважающие себя офицеры из КГБ хлынули в эти частные структуры и тогда это все просело. Вот, это причина была денег, зарплат, нищенских зарплат.

Ф.: Но в этом смысле, хотя Вы реформатором были, Вы как бы видели КГБ как злое ощущение в самом себе. Это не был какой-то враг, нет?

Б.: Вы понимаете какая штука, я понимал, что у нас нет других спецслужб как КГБ, а допустим как... Таже Старовойтова, она говорила: «Вот надо пойти по пути ГДР или Чехословакии. Нужно всех уволить и набрать новых». Ну, во-первых, мы не ГДР и не Чехословакия, мы немножко по-больше и нас есть много страшных вещей – атомное оружие, атомная станция, вообще много всяких этих интересов и к нам и от нас, поэтому мы не можем так со спецслужбами поступить – сегодня выгнать, а завтра... А спецслужба, между прочим, ... Что такое спецслужбы? Это получать информацию нетрадиционным путем, либо через агента, либо через подслушивающее устройство – нет других способов, либо техника, либо человек. Человек – это время, это долго. Как говорится, чтобы агенты были... это каждый опер имеет... Это же работа с людьми. Вот эти ушли, другие пришли – это значит, что просто ничего не будет. Поэтому мы были вынуждены оставить все, как есть, за исключением индивидуальной работы с каждым: вот, если ты не хочешь служить этой власти, увольняйся, все, мы тебя увольняем. Если ты согласен не быть коммунистом – коммунистов никого не будет, партийные организации запрещены все полностью, а быть профессионалом – ради Бога занимайся. Если у тебя идеология пока еще за Сталина и за Ленина, то это держи внутри себя, а если это начнет мешать твоей работе, то через твоего начальника это постепенно выясниться и будет заметно.

Т.е. психологию и идеологию просто так поменять за одну ночь, что был Горбачев, а стал Ельцин, нельзя. Это уже потом надо работать и смотреть – ага, этот плохо начал работать. Нужна внутренняя система безопасности, с этого надо начинать. Но это уже другое дело, этим мне уже не пришлось заниматься. Сейчас все вернулось, прежняя идеология сохранилась, весь чикизм жив. Я когда первый раз там был, День чикиста – он то ли в декабре, то ли в январе праздновали его регулярно, я сказал не будем праздновать День чикиста. И мы не праздновали День чикиста единственный раз за все время. «Почему не будем праздновать?». «Потому что, я говорю, ЧК ничего хорошего, так если, не будем говорить, что ничего, может быть что-то хорошее было, но в целом это не тот орган, который нужно было праздновать. Мы должны подумать о какой-то новой идеологии, если уж так, до давайте праздновать с Петра Первого или Екатерины, когда были созданы эти специальные указы. А сейчас празднуют.

Ф.: Ну как процесс, как Вы относитесь сейчас и относились в тот момент? Вот процесс, как бы, ну, вот фильм «Покаяние», более духовный процесс справиться с прошлым? Вы думаете, что это удачно прошло под Горбачевым или...?

Б.: Очень хороший фильм. Под Горбачевым это никак не прошло. Горбачеву это не позволили, не дали, да и он, как бы, не знаю, еще не хотел уже социализма. Это сейчас он говорит, что он предал социализм. Это, кстати, он никогда не предавал социализм, он всегда был социалистом, или по-крайней мере, социал-демократом до последней минуты – никогда он никого не предавал. А Ельцин, он просто у него до этого как-то не думал он об этом. У него, как говорится, в забу дыханье сперло от этой радости, он стал царем, все больше и больше ... И то, что мы, с точки зрения оценки того, что было, вот тех несчастий, которые принесли многим-многим, даже миллионам людей, да, и что не покаялись – это, конечно, очень плохо, это нужно было, нужно было это сделать, а ему не произошло. А сейчас мы перепутали, я не пойму, сейчас уже вроде как Гайдар должен каяться с Ельциным, а Сталин это вообще чуть ли не национальный герой, ведь это же как раз все из-зи этого произошло. Не только из-за этого, еще из-зи того, что эти реформы оказались...

Реформы должны человеку давать ну хоть какой-то, или хоть будущее приличное, чтобы он уже видел, что завтра уже у него будет лучше, или сегодня ему какую-то зримую там... Наши же реформу всю брушили – это не реформа, это воровство, самое настоящее воровство и никакого покаяния не было. С точки зрения морали, я даже не хочу тут какие-то сравнения проводить, но мне кажется, что даже в то советское время, Брежневское время даже, она была высшей, она была высшей, чем вот она сейчас у нынешней власти, потому что какие-то рамки все-таки были. Рамки партийного Устава, морального кодекса строителей коммунизма, партком смотрел, даже иногда может быть до анекдотов доходило, когда говорят, что вы, не разрешали разводиться, например. Жена шла в партком – «вот, муж мне изменяет». Даже такие, конечно, вещи глупый, казалось бы, что в личную жизнь и то партком вмешивался с точки зрения морали - нельзя бросать детей. Я сейчас что? Проституция и вообще черт знает что.

Ф.: В тот момент перестройки были ли для Вас какие-то потери в нравственном или политическом плане, ну вот в хорошем политики, хорошего руководства? Были ли какие-нибудь примеры? Ну, например, Столыпин. Были какие-то мотивы поведения, что вот так нужно было сделать.

Б.: Нет, я знал, у меня был такой приятель из Новосибирска Козорезов, он партийный деятель. Он был страшный яанат, если так можно выразиться, Столыпина, он написал о нем целую книжку, он мне ее подарил и я ее прочитал, и для меня Столыпин тоже столб, я к нему нормально отношусь. Все эти прочие Столыпинские галстуки – все это чушь. Ну это не то, что я сам, это было через Козорезова. Это было в 90-е годы, как раз в то время было.

Ну а какие-то идеалы? Я ведь не очень-то хорошо образован, чтобы знать хорошо историю и это все, это не так зняю. Из наших кто? Мне из наших, кого я знал, мне Ибаков был председатель Госплана, он и сейчас жив. Я много раз у него был, и он такой мудрый, мудрый старик, уже тогда был старик, он всегда сидел в какой-то такой теплой кофте. И я, как молодой горкома, всегда к нему приходил и у него

спрашивал, мне всегда как-то так он нравился. Вот, кого еще? Ну, пожалуй, ряд министров, вот этих министров строительства - министр тяжелой промышленности Волгин, министр угольной промышленности Праченко.

Ф.: И что именно Вам было привлекательно в этих людях?

Б.: Их сверх профессионализм и такая человеческая мудрость. Он и не смотрел на эти лозунги дешевые «Вперед, коммунизм строить!» – нет, он смотрел как надо эффективно перестроить народное хозяйство, как надо это делать, зная досконально. Вот это такие люди-профессионалы, причем они еще такой старой довоенной, или военной... Еще может быть кого-нибудь вспомню? Кодарев, пожалуй, МПС, Министерство Путей Сообщения, он по моложе.

Ну, я не знаю, из этих мне нравился Рузвельт, который на коляске, так сказать, и с таким сильным духом поднял Америку. Черчилль, я бы сказал – он для меня вообще в той части, которую я его знаю, может быть я плохо его знаю, это точно, потому что у меня есть книжка Черчиля, и Рузвельта я читал, но давно. Это раньше еще.

Ф.: И русскую литературу читали или это не было в Вашей сфере?

Б.: Русскую литературу? Какую литературу Вы имеете в виду? Диссидентскую?

Ф.: Ну, тоже. И Достоевского тоже.

Б.: Достоевского мне почему-то тяжело читать. Я его, как правило, не дочитываю. А Толстого я прочитал еще в детстве всего и «Войну и мир», и «Анну Каренину», и «Воскресенье» и все его рассказы - еще в десятилетнем возрасте все его собрание прочитал. Тогда телевизора же не было. Достоевского почему-то как-то тяжело. И жена у меня тоже тяжело его читает. Как бы мне не очень нравится богоискательство.

Ф.: Думаю, что все. Это было очень полезно и интересно. Думаю, что я не слишком Вас...

Б.: Нет, я даже не заметил, как время прошло. Окунули меня в эти воспоминания.